

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ «ВНЕШНЕГО МИРА»

Термин и само понятие «психосоциального» очевидным образом должны дополнять доминирующую теорию психосексуального. Первые попытки включить их в психоаналитический контекст я отношу ко времени моей учебы в Вене — периоду расцвета эго-психологии. Опишу вкратце некоторые, получившие развитие концепции взаимоотношений эго с социальной средой. Правда, надо отметить, что две основополагающие работы, посвященные эго: одна — Анны Фрейд «The Ego and the Mechanisms of Defense» («Эго и механизмы защиты») и вторая — Х. Хартманна «Ego Psychology and the Problem of Adaptation» («Эго-психология и проблема адаптации»), — появились лишь в 1936 и 1939 годах, соответственно. Однако наблюдения и выводы, на которых основывались эти работы, были в фокусе многочисленных дискуссий за много лет до того, как я закончил свое обучение и в 1933 году переехал в Соединенные Штаты. За прошедшие годы знания о защитных и адаптивных функциях эго прочно вошли в теорию психоаналитики. Цель, которую я преследую, обращаясь к истокам, состоит в том, чтобы указать молодому исследователю, каким образом общая теория продолжает быть актуальной и все-таки до сих пор пасует перед задачей систематического осмысления роли эго во взаимоотношениях *индивидуального* и *общественного*.

В ретроспекции наиболее интересным и наиболее показательным среди всех скрытых идеологических противоречий, характеризующих развитие этой проблематики, был разлад, который изначально появился между зарождающимися концепциями А. Фрейд и Х. Хартманна. Сама Анна Фрейд со свойственной ей откровенностью сообщала, что, когда она в 1936 году впервые представила свои выводы относительно защитных функций эго Венскому обществу, то «Хартманн в целом одобрил их, но подчеркнул, что мало указать на противоборство эго и ид; что

существует множество других проблем развития и функционирования эго, которые следует принимать во внимание. Это было ново для меня, а поскольку мои взгляды в то время были довольно ограниченными, я не готова была согласиться с ним». Это объясняется тем, продолжает А. Фрейд, что ее идеи пришли из представления о «защитных усилиях эго против влечений: Хартманн же оказался более революционен и предложил новый взгляд на идею автономии эго, которая до тех пор находилась вне пределов аналитического изучения» (Loewenstein et al., 1966).

Это определение, а также эпитет «революционный» указывают на границы, которые устанавливали для себя исследователи в различные периоды развития психоаналитической теории. Чтобы оценить их вклад, нам пришлось бы рассмотреть все идеологические и научные последствия разработки каждого понятия и термина на всех этапах развития психоаналитической теории, а также представлений о человеке, сформированных естественнонаучными теориями. Конечно же, оригинальная установка Фрейда делала акцент на влечения, и мое поколение мужчин и женщин, получивших образование в Центральной Европе, помнит фундаментальнейшее из всех понятий, *Trieb*, которое в изначальном своем словоупотреблении в немецком языке имело множество натурфилософских коннотаций как одновременно возвышающая и сокрушающая сила. Эти коннотации часто теряются в переводе — мы переводим слово как «инстинкт» или «влечение», и неизвестно, к лучшему ли это или к худшему. *Die suessen Triebe* — «сладостные влечения», — сказал бы немецкий поэт, но непреклонные физиологи считали необходимым во всяких исследованиях, достойных называться научными, находить «силы равного достоинства» (Jones, 1953) — равные тем силам, которые уже были найдены и количественно измерены в естественных науках. Фрейд настаивал на том, что «все наши психологические гипотезы в один прекрасный день должны будут получить органическую основу» (1914), и ясно давал понять, что он бы желал подождать до тех пор, пока не появится по-настоящему надеж-

ное экспериментальное доказательство универсальной, но в тот момент все еще мифической инстинктивной энергии. Из этого мы могли сделать вывод, что он не был согласен с «материалистическими» попытками Райха обнаружить измеримые следы либидо в уровне тонуса отдельных поверхностей человеческого тела.

Фрейд начинал работать в век дарвиновских поисков эволюционного происхождения видов и нового гуманистического этоса, требовавшего, чтобы человечество, еще недавно гордившееся разумом и моралью, как считалось, зрелого цивилизованного общества, смирилось с тем, что его корни — в его животном прошлом, в его примитивной предыстории, в младенческих этапах онтогенеза. Все это так или иначе нашло отражение в терминологии, описывающей инстинктивную энергию, которая со временем скорее демонстрировала некое ритуальное убеждение, а не стремление к строгому научному обоснованию. Однако в свое время сила данного мысленного образа открыла неожиданные — или, наоборот, ожидаемые — глубины. Важность его для Фрейда объясняется (что вновь ярко показала его недавно опубликованная переписка с Юнгом) его убежденностью в первостепенной необходимости тщательного изучения той бессознательной и инстинктивной сердцевины человеческой природы, которую он назвал «ид» (уподобив его, таким образом, внутренней «объективной реальности»), и в необходимости противостоять сопротивлению человечества встрече с его «низкой» природой и вместе с тем попыткам ремифологизировать эту природу уже в качестве «высокой». Поэтому неудивительно, что социальная реальность в ее отношении к внутреннему котлу человеческой личности поначалу находилась вне фокуса внимания и существовала для исследователей как «внешний мир» или «внешняя реальность». Таким образом, наше горделивое эго, которое Фрейд называл «пограничным существом», «должно служить трем тираническим хозяевам (внешний мир, ид и супер-эго) и, соответственно, подвергаться трем видам опасностей: со стороны внешнего мира, со стороны либидо как элемента ид и со стороны суровости, характеризующей Сверх-Я» (S. Freud, 1923).

Впервые обсуждая отношение эго к коллективной жизни, Фрейд (1921) обращался к ярким идеям представителей социальной науки своего времени (например Лебона, Макдугалла), которые разрабатывали тему «искусственных» групп (толпы, масс и других форм), или того, что Фрейд называл «первичными» или «примитивными» коллективами. Он сосредоточивался на *«включении»* взрослого индивидуума в некое множество людей, которое *приобрело* характеристику психологической группы» (курсив мой). Пророческими оказались его размышления относительно того, как такие группы «позволяют человеку преодолеть давление со стороны его бессознательных импульсов». В то время Фрейд еще не задал фундаментального вопроса о том, каким образом индивидуум получает то, чем он «овладел за пределами примитивного коллектива», а именно *«свою целостность, свое самосознание, свои традиции и обычаи, свои специфические функции и положение»*. Главной целью Фрейда при анализе «искусственных» коллективов (например, церкви или армии) было показать, что такие образования держатся вместе «любовными инстинктами», которые перенаправляются от биологических целей, чтобы помочь сформировать социальные связи, но при этом «не теряют своей энергии». Это последнее утверждение должно нас интересовать в контексте психосоциального развития: каковы законы переноса любви — не теряющей при этом своей интенсивности — из сферы сексуального в сферу социальных целей?

Анна Фрейд, говоря о защитных механизмах эго, вновь изгоняет во «внешний мир» социальные силы, которые в другом контексте она же признает: «Эго торжествует, когда его защитные механизмы не дают развиваться тревожности и таким образом трансформируют инстинкты, что даже в самых трудных обстоятельствах остается некоторая доля удовлетворения, и таким образом устанавливаются самые гармоничные взаимоотношения между ид, супер-эго и силами внешнего мира, насколько это вообще возможно». (A. Freud, 1936). В более поздней работе она поддерживает эту тему, формулируя определение для линий развития, в которых

«в каждом случае <...> происходит постепенное перерастание ребенком зависимого, иррационального, ориентируемого на бессознательное и объектно-детерминированного подхода и постепенное приобретение его эго способности управлять внутренним и внешним миром» (А. Freud, 1965). Однако задав вопрос о том, что же «заставляет индивидуума в своем развитии выбирать тот или иной путь», А. Фрейд высказывает предположение, что «необходимо учитывать случайность влияния окружающей среды. Работая со старшими детьми и проводя реконструкции через работу со взрослыми, мы обнаружили, что эти силы влияния воплощены в родительских личностях, их действиях и идеалах, в семейной атмосфере, влиянии культурной среды в целом». Но вопрос о том, какое же внешнее влияние является в большей или меньшей степени «случайным», остается без ответа.

Хартманн, в свою очередь, постарался доказать, что эго, которое никак нельзя свести только лишь к эволюционной форме защиты человека от его же бессознательного, имеет корни, не зависящие от этого бессознательного. Хартманн считал такие функции человеческого разума, как моторика, восприятие, память, «эго-аппаратом первичной автономии». Он считал, что эти качества, развиваясь, адаптируются к тому, что он назвал «среднеожидаемой средой». Рапопорт так писал об этом: «При помощи этих понятий [Хартманн] заложил основу психоаналитической концепции и теории адаптации и очертил контуры общей теории взаимодействия с реальностью психоаналитической эго-психологии» (Erikson, 1959). Однако, добавляет Рапопорт, Хартманн «не предлагает самостоятельную и разработанную психосоциальную теорию». Действительно, «среднеожидаемая среда» устанавливает, кажется, лишь минимум условий, которые, можно сказать, обеспечивают лишь выживание, при этом очевидно игнорирует огромное количество вариаций и сложностей общественной жизни, которые являются источником индивидуальной и коллективной жизненной энергии, а также драматического конфликта. Фактически последующие работы Хартманна содержат такие

формулировки, как «действовать в соответствии с реальностью», «действовать, глядя в глаза реальности» (1947), «действовать во внешнем мире» (1956) и тому подобные краткие указания на то, где в данный момент можно наметить линию развития исследовательских направлений.

Механистическая и физикалистская терминология психоаналитической теории, как и постоянные отсылки к «внешнему миру», вызывала мое недоумение еще во времена моего обучения, особенно в удивительной атмосфере клинических семинаров — и в частности, семинара по детскому поведению («Kinderseminar») Анны Фрейд, — которые были весьма оживленными, так как снова приблизили нас к обсуждению социальных и внутренних проблем, тем самым напитываясь духом, который идеально характеризует саму природу занятий по обучению психоанализу. Фрейд написал как-то Ромену Роллану: «Любовь к людям присуща и мне самому, не из сентиментальных соображений или требований идеала, а по прозаичным психоэкономическим основаниям, потому что при реалиях окружающего мира и направленности наших влечений я вынужден был признать ее столь же необходимой для сохранения рода человеческого, как, например, и технику...» (1926). Мы, студенты, на тех клинических обсуждениях испытывали современную, светскую форму религиозной любви (*caritas*), осознавая, что все человеческие существа равны в проживании одних и тех же конфликтов и что психоаналитическая «техника» требует от психоаналитика проникновения в сущность тех конфликтов, которые он сам неминуемо (и в высшей степени поучительно для самого себя) будет переносить из собственной жизни в терапевтическую ситуацию.

В любом случае именно эти концепции и эти слова я бы использовал сегодня для описания ядра того нового духа, который я ощутил тогда, во времена студенческой юности. Такая широкая и интенсивная репрезентация и обсуждение клинических случаев казались нам полной противоположностью терминологическим

рамкам, задающим структуру теоретического дискурса. Однако мы имели возможность убедиться в том, что клинический и теоретический языки хоть и разводят два разных взгляда на человеческую мотивацию, но при этом дополняют друг друга.

Более того, работа со взрослыми пациентами позволила выделить наиважнейшие этапы, которые человек проходит в своем детстве, и, таким образом, выдвинуть базовые предположения относительно этапов развития личности и выстроить первые модели для последовательного изучения всего жизненного цикла, для непосредственного психоаналитического наблюдения за детьми и их лечения. Результаты анализа такой работы стали источником темы возрастного этоса в психоанализе, поскольку убедительные симптоматические подтверждения патогrafических предположений были получены именно в работе с детьми, которые превосходили все взрослые ожидания в непосредственности самовыражения в игровых и коммуникативных формах. Так, исследования показали, что параллельно с глубоким переживанием конфликта ребенок ощущает активное стремление к получению опыта и синтезу. Именно на тех семинарах, где мы работали с пациентами-детьми, общаясь с другими психоаналитиками, глубоко вовлеченными в практику так называемого «прогрессивного образования», упрощающий язык научной теории ушел на задний план, выдвинув на авансцену бесчисленные детали, иллюстрирующие взаимодействие пациента со значимыми для него личностями. И вот вместо внутреннего «хозяйства» влечений и защитных механизмов одной-единственной личности как объекта изучения явила себя экология взаимной активации в рамках социальной группы, например в рамках семьи. Особенно убедительными были аргументы, представленные двумя выдающимися исследователями проблем детства, Зигфридом Бернфельдом и Августом Айхорном. Первого я знал прежде всего как потрясающего лектора, второго — как замечательного специалиста по работе с юными правонарушителями, умевшего и сочувствовать им, и обсуждать с ними реальные проблемы.